

«...Тут порожек раздумья»: Социалистическая идея - pro et contra Леонида Леонова

*Татьяна Леонидовна Шевченко
Таврический Национальный Университет им. В. И. Вернадского
кафедра русской и зарубежной литературы
г. Симферополь, Украина*

раб. телефон (0652) 27-42-62

Шевченко Татьяна Леонидовна – соискатель кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ (научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Л. М. Борисова). Область научных интересов – русская советская литература первой трети XX века, творчество Леонида Леонова. Публикации в журналах «Культура народов Причерноморья» (1998, № 3, 1999, № 6), «Ученые записки СГУ» (1998 № 10(49)), в сборниках материалов научных конференций (IV Крымские Международные Шмелевские чтения, VII Крымские Пушкинские Международные Чтения). Участие в VI Научных чтениях «Культуры народов Причерноморья» (апрель 1999), в Круглом столе ТЭИ «Метафора в политическом дискурсе» (май 2000).

В статье рассматриваются особенности отношения Л. Леонова к социалистической идее в различные периоды творчества писателя.

У статті розглядаються особливості відношення Л. Леонова до соціалістичної ідеї у різні періоди творчості письменника.

The article deals with peculiarities of L. Leonov's attitude to socialism at different periods of writer's creative work.

Ключевые слова: **революция, социальная справедливость, социальное равенство, свобода мысли, культура.**

В отечественном литературоведении, начиная с 50-60-х годов, творчество Леонида Леонова трактовалось как идеологически безупречный образец социалистического реализма. В романе «Вор» Леонов выразил «свою верность революции» [5, с. 232], в романе «Соть» утверждает «идея социалистического переустройства страны, правильность и величие пути, по которому пошел народ» [5, с. 226] - подобные оценки до недавних пор были общепринятыми. Некоторые из них не потеряли своего значения и по сей день. Леонова все еще называют «почтенным и вполне законопослушным <...> классиком» [7, с. 183]. А «Пирамиду», его последний роман - свидетельство разочарования в практике и идеалах социализма - порой рассматривают как «антитезу раннего творчества писателя» [2, с. 72]. Однако критика 20-30-х годов вовсе не считала Леонова приверженцем социалистической идеи. В «Литературной энциклопедии» 1932 года говорится о «буржуазно-демократической интерпретации Октября» [17, стлб. 272], и хотя здесь высоко оценивается роман «Соть», но автор все же именуется «мелкобуржуазным попутчиком» [17, стлб. 272], одним из «наиболее типичных, а вместе с тем и наиболее противоречивых представителей попутничества» [17, стлб. 273]. В критическом отзыве Г. Горбачева на роман «Вор» читаем: «Вся окраска романа пессимистична с точки зрения борьбы за социализм. <...> «Великий яд манюкинского разочарования» в эпохе «негероических будней» разлит по всей книге Леонова» [4, с. 152]. В статье Р. Мессер, посвященной «Дороге на Океан», утверждается, что «в произведениях первых лет революции, и в «Воре», и в «Барсуках», люди, <...> принадлежащие

старому миру, казались Леонову психологически более яркими, даже более человечными, чем люди, в образах которых он выражал свое понимание революции как непреклонной и несколько упрощенной логики» [16,20]. Подобной, весьма распространенной в те годы точки зрения придерживается, например, и Е. Северин: анализируя роман «Соть», он приходит к выводу, что Леонов - «писатель уходящих классов» [18,183]. Но не только рапповские критики, грешившие вульгарным социологизмом, «не замечали, что Леонов по своим взглядам - убежденный сторонник нового строя, что он хорошо понял основной смысл совершившегося революционного переворота» [6,188]. А. К. Воронский, один из наиболее объективных и либерально настроенных советских критиков 20-х годов, отмечал, что у Леонова-художника все «крепко, реально», у Леонова-философа - «двусмысленно и иногда прямо реакционно» [3,339]. (Безусловно, мнение Воронского тоже не было вполне беспристрастным - «в слове признавая противоречия революции», он подчас отказывал писателям «в праве на изображение этих противоречий» [1,104].) Каким же на самом деле было отношение Леонова к революции, к новому строю?

Русскую революцию Леонов воспринял как явление космического масштаба, при котором вопрос «принимать или не принимать?» теряет смысл: «Когда мимо проходит космическое тело, то оно должно или оттолкнуть тебя, или притянуть. Я не мог в те годы, как писатель, оставаться в стороне от революции. Я жил в этой стране, я был вместе со своей страной...» [5, с. 57]. Но Леонов помнил и о тех, кого революция «оттолкнула», и о тех, кого она уничтожила. Уверенность в том, что революция отменила прежние представления о добре и зле, свойственная в 20-е годы многим, была чужда Леонову. Сомнения в непогрешимости нового строя, «щекотные» вопросы начали возникать у писателя задолго до «Пирамиды». В мечтах о будущем главного героя «Соти» Увадьева живет девочка Катя, ради счастья которой он готов пожертвовать собственной жизнью. На стройке у него в результате несчастного случая гибнет ребенок. Используя эту откровенно сконструированную ситуацию, Леонов ставит в романе вопрос Достоевского о слезинке ребенка.

В одном из эпизодов «Дороги на Океан» Глеб Протоклитов и Кормилицын спорят о будущем. «Кто же укажет им, куда двигаться... или что есть добро и зло?» - спрашивает Кормилицын, на что Глеб отвечает: «Новый человек <...> станет богом», а если у власти окажется недостойный, то он «бессилен будет принести вред». «А ты помнишь в прошлом хоть какое-нибудь божество, лишенное недостатков? И потом - почему непременно вред! Он будет делать пользу, но по своему усмотрению...», - не сдается его оппонент [14, с. 328-329]. Кормилицын по сути задает вопрос Достоевского: знает ли кто-нибудь из людей, в чем секрет всеобщего счастья? Другой герой «Дороги на Океан», бывший купец Омеличев, рассказывает Курилову историю о барышне, отдавшей за головку сыра: «А при барышне ейная мама да меньшей брат. Хотя не жаль, барышня-то из поповен, чего ее жалеть!» [14, с. 21]. В подтексте без труда прочитывается сюжет с «вечной Сонечкой». Леонов таким образом как бы допытывается у современников ответа на мучавший его вопрос: что на самом деле уничтожил новый строй - страдание или сострадание?

Населяя свои романы «обломками прошлого», предоставляя им слово, а порой не отказывая и в праве на читательское сочувствие, Леонов искал разумного и убедительного оправдания пролитой крови.

Размышление об истории России приводит писателя к выводу, что в силу склонности русского человека к лени и созерцательности, в силу «неохватных расстояний, непомерных географических пространств на душу населения <...> на протяжении веков, усиливаемое гнетом политического строя, складывалось отставание от мирового прогресса, постепенно превращавшее Россию в обоз надменной процветающей Европы» [11, с. 420]. Наверстывать упущенное приходилось при помощи кардинальных реформ, безжалостно ломавших прежний жизненный уклад. Только волевым и жестоким личностям, не ведавшим, что «на плотно уложенных дедовских костях ставлено все их дерзкое вдохновенье» [11, с. 195], было под силу совершать такие рывки. «И никогда в подобных схватках эпох не удавалось понять старикам, что эти самые <...> отступнички-то и понесут вперед славу России...» [11, с. 195]. Революция 1917 года стала, по мнению Леонова, очередным исторически закономерным рывком в развитии России. Но в отличие от предыдущих, этот не просто вывел Россию на европейский уровень, но поставил ее в авангарде всего человечества. Взяв на себя подвиг «экспериментальной проверки и воплощения самой действенной людской идеи о золотом веке» [15, с. 447], Россия отныне «идет впереди века, как вожак, прокладывая трассу в страну, куда еще нет лоций и туристических маршрутов, приемля на себя все тягости и случайности почти космической неизвестности» [15, с. 290]. Отголосок такого осмысления Октябрьского переворота есть и в последнем романе Леонова. На страницах «Пирамиды» революция,

несмотря на все обвинения в ее адрес, характеризуется как «грех и подвиг» [8, с. 184]. Именно так, «грехом и подвигом сопротивления всемирному злу во имя всех униженных и угнетенных на свете», называет Леонов революцию в статье 1960 года «Слово о Толстом» [15, с. 429]. В «Пирамиде» двойственность авторского отношения к революции выражается в словах Матвея Лоскутова: «И то, подумать только, экой корабль тысячелетний с места стронули <...> Оно и неплохо бы ко всемирному-то счастьяшку, кабы знато было в точности, в которую сторону плыть» [9, с. 187].

В беседе с югославским писателем Д. Чосичем Леонов вспоминал, как «когда-то давно» на вопрос американского журналиста: «В чем смысл русской революции?» - рассказал в ответ эпизод из жизни своего деда, крепостного мужика, закончив его словами: «А я его внук. Вот в этом смысл русской революции» [20, с. 303]. Эта же тема звучит и в статье «Вместо приветствия» (1963), посвященной советским космонавтам: «<...> кем суждено было стать этим летающим где-то за стратосферой братьям в старой лошадной, а зачастую - и вовсе безлошадной России? Каких высот - куда там космических, а просто житейских! - удалось бы достичь им, выходцам с самых низов народных <...>?» [15, с. 474]. В понимании писателя смысл революции не исчерпывался справедливым перераспределением материальных благ, улучшением внешних условий жизни, хотя он не отрицал важности этого момента: «<...> вся родословная людских страданий показывает, что, кроме небесного осияния в душах, ужасно как много требуется людям для сносного существования <...> Со времени Нагорной проповеди еще не удавалось повторить евангельский опыт насыщения пятью хлебами несоответственно большего количества ртов» [15, с. 435-436]. Но главное завоевание Октября заключалась для Леонова в том, что выходцы «с самых низов народных» наконец получили возможность стать не только элементарно грамотными, но и высокообразованными людьми, подняться до того культурного уровня, который прежде им был недоступен. Реализацию этой возможности духовного роста Леонов расценивает как долг и обязанность каждого. Своего героя писатель ценит в зависимости от того, способен ли он к работе над собой. Пример такого самосовершенствования дает Черимов в «Скутаревском». Когда он, мальчишка, только вернувшийся с фронта и не имеющий за плечами даже среднего образования, заявляет о своем намерении учиться, Скутаревский сомневается в осуществимости его мечты. Не верит в это и сын Скутаревского Арсений, привыкший считать своего боевого товарища дикарем из простонародья. «И когда однажды инженер Арсений Скутаревский получил из неизвестности брошюрку с безвестным именем Черимова, он и не подумал, что автор ее и есть Колька» [13, с. 63]. Подобный путь прошел и герой «Дороги на Океан» Курилов. Марину, оказавшуюся у него в гостях, поражает количество книг в квартире Курилова. «Учись пока, Лешка... всему учись. Без знаний не бывает истинной храбрости!» - говорит Курилов своему воспитаннику Алеше Пересыпкину [14, с. 176].

Вместе с тем представления многих его героев о свободе личности зачастую до крайности примитивны. Дмитрий Векшин в «Воре», пользуясь завоеванной свободой, «две ночи в царской, резного дерева и с балдахином, кровати спал... не сымая сапог, из солдатской любознательности...» [11, с. 347]. Пределом мечтаний для его брата Леонтия стала устрица: «Главное, обидно, что сознание-то вроде и пробуждено в достаточной мере на устрицу, а утолить нечем. Мне бы даже не столь завлекательно проглотить ее самое, сколь послушать, как она взвизгивает. <...> да тут из одного любопытства, братец, стоило перекувырк устраивать! Не скажу про всех, а немало таких найдется, которые из-за устрицы на все пойдут!» [11, с. 424]. Этот добровольный отказ современников от богатств духовных, от той «раздражающе умной, колдовской блестинки в померкающем зрачке» старого мира пугал Леонова: «Без нее род людской враз становится волчьей стаей, пробегающей по закатному снегу за своим вожаком» [11, с. 494]. Но еще больший страх за судьбу страны вызывало у писателя то обстоятельство, что интеллектуальная ограниченность стала утверждаться в качестве нормы, «зрячему стало благоразумнее добровольно уравниваться с полузрячим» [8, с. 152]. В стремлении ограничить свободу человеческой мысли для Леонова заключался самый главный грех нового строя. «Запрет мысленно всматриваться в небо» [8, с. 30] привел, по мнению писателя, к тому, что в уродливой форме стало выполняться «нагорное пророчество о примате нищих духом в царстве Божиим» [8, с. 32]. Размышления об этой страшной ошибке, допущенной в толковании тезиса о социальном равенстве, пронизывают все творчество Леонова. В романе «Вор» не поддающаяся механическому перераспределению «интеллектуальная собственность» становится главной причиной непримиримой ненависти Векшина к классовому врагу: «...рубанул я его, нагнулся потом, а он все светится у него, зрачок-то, не гаснет, сволочь!» [11, с. 491]. С интеллектуальным неравенством не может смириться и герой «Соти» Увадьев. Уже привыкший считать себя хозяином жизни, он неожиданно сталкивается с тем, что его превосходство

- научно обоснованное превосходство пролетариата - очевидно не для всех. Прочитав это во взгляде бывшего поручика Буланина («левый, немигающий глаз, где застыл тусклый электрический блик, неуловимо улыбался» [12, с. 210]), Увадьев «испытал приступ бешеной тоски, словно кто-то и впрямь мог глядеть сквозь него, как сквозь временное и достаточно прозрачное стекло» [12, с. 211]. Об интеллектуальном неравенстве рассуждают почти все герои «Пирамиды». С горькой иронией говорит об этом историк «из бывших» Филуметьев: «<...> именно это превосходство (интеллектуальное. - Т. Ш.) преступно тормозит установление в стране единственно разумной гармонии улья» [10, с. 23]. Тот же вывод, но уже без всякой иронии, совершенно серьезно, делает фининспектор Гаврилов, считающий интеллектуальное неравенство «подлейшим из всех видов превосходства одних над другими» [8, с. 154]. Ожесточенное истребление мысли заставляет ужаснуться о. Матвея: «<...> как жутко и страстно железкой выскребаем разум из собственного черепа своего, стремимся погасить высший дар Его...» [8, с. 32]. Иллюзионист Дюрсо объясняет Дымкову особенности нынешнего употребления слова «гений»: «У нас такое слово можно только для древних покойников, чтобы не вызвать в тружениках опасное брожение от обиды» [8, с. 121], ему вторит режиссер Сорокин: «<...> слово гений <...> звучит издевательски в применении к современнику» [10, с. 131].

Для Леонова, однако, много значит не только духовная, но и материальная культура. В одном из писем Горькому осенью 1927 года Леонов писал: «<...> работать надо, делать вещи, пирамиды, мосты и все прочее, что может поглотить у человечества накопившуюся силу» [19, с. 274]. В очерках «Поездка в Маргиан» (1930), «Озеро счастья» и «У колыбели Большого Ангрена» (1941), появившихся после поездки писателя в Среднюю Азию, Леонов рассказывает о строительстве оросительных систем и добыче угля, о том, с каким энтузиазмом взялся за это народ, почувствовавший себя «титаном - ваятелем своей судьбы и счастья» [15, с. 66]. Во времена царского правительства «семьдесят тысяч подневольных строителей, получая по пятаку в день, в течение шести лет прорыли тринадцать километров канала, оставшегося незаконченным. Вопрос: чего здесь больше, легенды или преступления?..» [15, с. 63]. Теперь все обстоит совершенно иначе: «Надо работать, работать быстрее. И они работают здесь в две смены, опрокидывая мировые нормы укладки бетона» [15, с. 67]. Люди «единодушно поднимались с места по призыву партийных организаций <...> Не останавливали и расстояния. <...> Ими руководило лишь благородное чувство солидарности, которому их научила эпоха. <...> И те, кого не брали на этот народный трудовой <...> праздник, слали властям республики жалобы на жестокую и несправедливую обиду» [15, с. 69]. В романе «Вор» вчерашние крестьяне строят электростанцию на Кудеме. Наблюдая за «веселым муравейным оживлением <...> на обеих сторонах реки», Леонтий говорит Векшину: «<...> я частенько сюда хожу... не знаю почему, а как к вину тянет. Сяду и смотрю, часами смотрю, как на видение...» [11, с. 430]. Леонтия пугает этот непонятный ему энтузиазм строителей: «веришь ли, и в непогоду под кровлю не загонишь, ровно самая сласть им в грязи изгваздаться. Да все это со стиснутыми зубами, без песенки, ровно обреклись... аж страшно!» [11, с. 430]. Векшину в словах брата слышится только «тоска отставшего». Автор и Курилов в одном из своих «воображаемых путешествий за пределы видимого горизонта» становятся свидетелями прокладки дороги через пустыню: «Караван людей и машин уходит в бескрайнюю даль <...> оглушает говор лопат и кирок. <...> Нам некого расспросить о причинах спешки и об источниках этой фантастической энергии. Мы помешали бы этим осатаневшим людям» [14, с. 110]. Что является таким источником, становится понятно из спора Омеличева и Курилова:

« - Чем ты работать его заставишь, как не выгодой? Али ради развития тела?.. Али страхом?.. так ведь страх-то - ненависти сродни. Борьба, борьба!.. и слово-то какое-то не русское, не наше.

- Есть еще чужое слово, которого ты не знаешь, Омеличев. <...> Это слово - творчество» [14, с. 244].

По мнению Курилова, «<...> при социализме деятельность каждого будет средством доказать свое право на радость. <...> Право на хлеб сейчас дает всякий труд, но только творчество - право на радость, а завтра всякий труд будет творчеством» [14, с. 284]. Но уверенность своего героя вряд ли разделял сам Леонов. В процитированном диалоге позицию автора, думается, в равной степени отражают и слова Омеличева (в «Дороге на Океан» он вообще озвучивает многие «несвоевременные мысли» писателя). Не случайно аргументы Омеличева в пользу частной собственности («Ты возьми у меня все, но дай мне <...> один аршин земли... и я выращу на нем чудо. <...> Но чтобы аршин этот был мой, сына, внука, правнука моего...» [14, с. 243]) повторяются в «Воре» Заварихиным: «<...> человек без собственности сущее дите, ему непременно надо что терять. <...> Плохое дело без корешков <...>

Бывало, корова у нас на деревне сдохнет – бабы три дня слезами-воем исходят, а вон на углу третьевось целый магазин сгорел... акт составили <...> и разошлись довольные, что бог привел» [11, с. 491]. История, рассказанная Заварихиным, в свою очередь повторяется в «Пирамиде»: «В бывалое время сдохнет корова, <...> так ведь бабы землю с горя грызли, на всю волость голосили, <...> а в районе у нас позапрошлую зиму осьмизэтажный универмаг <...> дотла выгорел, так <...> наехала комиссия из семи начальников, <...> покачали головой <...> без пролития единой слезинки» [8, с. 178]. И не случайно фигурирует здесь число семь. «Знаменитый сон библейского Моисея про семь тощих коров, пожравших семь своих тучных подруг» [15, с. 10] неоднократно упоминается в произведениях Леонова: «<...> приятель из тех тощих библейских коров, что кусают тучных и сохраняют при этом спортивную худощавость» [11, с. 492], «Старая, они объединяются, чтоб по образу семи тощих библейских коров действовать сообща на темных перекрестках искусства» [14, с. 203], «Одному фараону библейских времен приснилось, будто бы из <...> реки <...> вышли семь тощих коров и вчистую пожрали семь тучных коров, однако толще не стали» [8, с. 44].

К вопросу о том, что служит первоисточником «беззаветно созидательного рвения» народных масс, Леонов возвращается в «Пирамиде». Картины великих строек, изображенные в ранних произведениях, повторяются в последнем романе с точностью до деталей, но в роли строителей на этот раз оказываются древнеегипетские рабы и советские заключенные.* Возводя пирамиду Хеопса, «голодный оборванный сброд прокладывает сквозь пески грузовую, на вечность рассчитанную магистраль <...> У всех никого не остается позади, ничего не видно впереди: только дорога. <...> Согнанные из разных стран, чужих кровей, они поют на общем языке единства и родства» [9, с. 249]. «Героический и безымянный, в сущности, коллектив», собранный из всех республик, «поставляющих некавалифицированную рабочую силу» [9, с. 253], трудится на строительстве пирамиды современной, чьи размеры столь огромны, что становится «неприметным муравейное присутствие самих строителей» [10, с. 3]. Источником же «фантастической энергии» служат усовершенствованные бичи, переходящий в ненависть страх: «Только злое атакующее отчаяние могло в соизмеримый с жизнью срок выплеснуть из недр земных явление, непосильное и вулканическому выбросу за век работы» [10, с. 3].

Для строительства «пирамид, мостов и всего прочего» оказался необходим подневольный труд, не имеющий ничего общего с творчеством.

В понимании Леонова справедливое общественное устройство не предполагает абсолютного равенства. Неравенство предопределено индивидуальным различием людей. Другое дело, что человек должен иметь право самому выбирать свой жизненный путь. Но всегда ли он может распоряжаться своей судьбой или за него это вправе делать другие? «Так в чем же истинный гуманизм – в утверждении святости каждого неповторимого бытия или в преодолении этого древнего, по ходу прогресса все более отживающего табу?» [15, с. 490]. Вопрос, казалось бы, чисто риторический. Однако в статье «Рассуждение о великанах» (1947) Леонов пишет: «Правнук крепостного, я смотрю на старую русскую культуру как на свое кровное наследие. <...> Не быть бы ей, однако, если бы лапотные деды мои не доставляли хлеб ее творцам, <...> не слепли в рудниках, не изводились без сна в людской, пока, скажем, Гавриил Романович Державин беседовал со своей музой, и, наконец, соленым солдатским потом не поили они орла русской военной славы. Но, кто знает, случись наоборот, может быть, на месте своих высокопоставленных хозяев мои-то деды, глядишь, наковыряли бы всемеро» [15, с. 287]. Пафос писателя понятен: социальное неравенство погубило многих талантливых людей, не дав им возможности реализовать себя. Но ведь кто-то должен и доставлять хлеб творцам, и слепнуть в рудниках – без всего этого не было бы культуры. Отказ Толстого от прогресса в пользу справедливости для Леонова неприемлем. Восхищаясь «обличительной деятельностью» Толстого, Леонов говорит: «С другой стороны, стоит припомнить – как объятый пламенем разум Толстого отменял Данте, Рафаэля и Шекспира! Или – как собственная совесть, достаточно разъяренная, чтобы парализовать руку гения, упрекала его же в корыстолюбивом вымогательстве хлеба народного с помощью написанных им книг. Или его готовность даже остановить прогресс во всем разбеге: пусть погибнет культура, но восторжествует справедливость» [15, с. 435].

Тому, кто видит в «Хеопсовом сооружении» лишь «ненавистный монумент рабовладельческого произвола и тщеславия» [10, с. 17], не жаль взорвать его. Леонов видит в нем сокровище мировой культуры, ему «немыслимо представить, как выглядела бы пустыня, если бы ее не облагораживал кристаллизованный вздох людской» [9, с. 249]. И кроме того, не будь пирамиды, кто бы вообще сейчас вспомнил о тех безвестных рабах, что ее строили? Когда время «слижет <...> шершавым языком» имена

и даты, то «не останется от нас ничего, кроме руин да святынь, оказавшихся не по зубам стихиям» [10, с. 5]. Предлагая вниманию Вадима этот парадокс, историк Филуметьев говорит: «<...> за отсутствием иной производственной базы не было ли рабство прогрессивной формой, в сравнении, скажем, с каннибальским кроманьонством? Было бы опрометчиво зачислять кнут в рубрику великих открытий наравне с чертежами Евклида <...> Но тут порожек раздумья, молодой человек, не оступитесь!..» [10, с. 17]. Мысль о цене культуры, думается, была таким порошком и для самого писателя. В «Пирамиде» яркое свидетельство этого – исповедь «зэка»: «<...> для заурядной особи, вроде меня, нет иного средства оставить персональный след по себе, кроме как отпечатком окровавленной ладони на тесанной глыбе камня; <...> Пусть некому будет издать всхлип жалости, вздох восхищения при виде чуда, созданного бесчисленным множеством подневольных вдохновений... зато, когда молния или звездный луч скользнет по гранитному глянцу, <...> - со вздохом в малую выбоинку, где уместится моя судьба, я успею беглым взором окинуть мир и небо, <...> потому что весь я не умру, и вложенная сюда мысль моя избегнет могильного тленья» [10, с. 5]. Смысл слов заключенного двоятся (показателен оксюморон «подневольные вдохновения»), в них слышна то авторская ирония, то неподдельный лиризм. В авторском комментарии исповедь строителя современной пирамиды характеризуется как «хитроумная апология рабства», «оправдание рабства, куда, изгоняемая догмой, прячется душа» [10, с. 5]. Вадим, слушающий своего собеседника со страхом, тем не менее постигает в его словах «потаенную мудрость»: «Поистине этот нищий <...> выглядел богачом по сравнению с ним. <...> Выслушанная декларация втайне годилась стать лощией корабля, уходящего в запредельное плаванье» [10, с. 5].

Размышления Леонова о возможных вариантах социального устройства оформляются в «Пирамиде» в тезис о двух «разнополюсных иероглифах тире и клина», отражающих сущность двух основополагающих общественных структур. При «движении к Солнцу в братской шеренге, плечом к плечу» соблюдается требование социальной справедливости, но при этом под угрозой оказывается духовный, интеллектуальный потенциал нации и велика вероятность, что далекие потомки будут считать величайшим достижением предков велосипедную гайку и табличку с надписью «не курить». Когда человечество шествует «вперед и вверх», выстроенное в виде «кометы с единым мозгом на острие и несметным людским роем позади» [10, с. 24], сохраняется культура, но вместе с нею и социальное неравенство, ибо людской рой составляют поработанные касты, где все – «от чиновной знаати до безгласной, раздавленной тяжестью верхних черни - рабы» [9, с. 196]. Для Леонова оба варианта неприемлемы, а соединение двух систем в одну превратится в «самоубоище», «короткое замыкание полюсов».

*Примечательно, что роман «Дорога на Океан» был начат Леоновым непосредственно после поездки на строительство Беломорканала.

Литература

1. Белая Г. А. Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. – М.: Сов. Писатель, 1989.
2. Варламов А. «О дне же том и часе никто не знает...» Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века// Литературная учеба. – 1997.- № 5-6.
3. Воронский А. К. Литературные портреты: В 2-х тт. – Т. 1. – М., 1928.
4. Горбачев Г. О «Воре» Леонида Леонова// Звезда. – 1928. - № 2.
5. Ковалев Л. В. В ответе за будущее: Леонид Леонов. Исследования и материалы. – М.: Современник, 1989.
6. Ковалев В. А. Леонов в литературной критике// Русская литература. – 1971. - № 1.
7. Лазарев Л. «Колесико и винтик». Заметки о том, как партия руководила литературой// Октябрь. – 1993. - № 8.
8. Леонов Л. М. Пирамида: В 3 ч. – М.: Наш современник, 1994. – Ч. 1.
9. Леонов Л. М. Пирамида: В 3 ч. - М.: Наш современник, 1994. – Ч. 2.
10. Леонов Л. М. Пирамида: В 3 ч. - М.: Наш современник, 1994. – Ч. 3.
11. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 тт. - М.: Худож. лит., 1982. – Т. 3.
12. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 тт. - М.: Худож. лит., 1982. – Т. 4.

13. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 тт. - М.: Худож. лит., 1983. – Т. 5.
14. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 тт. - М.: Худож. лит., 1983. – Т. 6.
15. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 тт. - М.: Худож. лит., 1984. – Т. 10.
16. Мессер Р. «Дорога на Океан» (роман Леонида Леонова)// Литературное обозрение. – 1936. - № 7.
17. Нусинов И. Леонов// Литературная энциклопедия/ Гл. ред.: А. В. Луначарский.: В 11 тт. (т. 1-9, 11). – М.: Сов. Энциклопедия, 1932. - Т. 6.
18. Северин Е. В преодолении попутничества// Литература и искусство. – 1930. - № 3-4.
19. Федоров В. С. Юбилейная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Л. М. Леонова. Хроника// Русская литература. – 2000. - № 1.
20. Чосич Д. Встреча в Москве// Леонид Леонов: Творческая индивидуальность и литературный процесс/ Отв. ред.: В. А. Ковалев, Н. А. Грознова. – Л.: Наука, 1987.